

ЕЩЕ ОБ ОДНОМ ФАЛЬШИВОМ МИФЕ И БЕСЧЕСТНОМ МИФОТВОРЦЕ

(По поводу статьи Зия Буниатова «Мифы и мифотворцы»)

Х. А. БАРСЕГЯН

В последнее время имя академика АН АзербССР Зия Буниатова не сходит со страниц прессы. Налево и направо он выступает по всем вопросам, нагло фальсифицируя и искажая историю как азербайджанского народа, так и историю других народов Закавказья. Поневолле приходит мысль: а стоит ли вообще писать об этом, тем более, что к нам в последнее время не раз приходилось выступать против его фальсификаций¹.

На сей раз его жертвой стал целый армянский народ, его многовековая, богатая история, его славные сыновья. Не впервые Зия Буниатов поднимает руку на Степана Шаумяна, мутит воду вокруг его имени, настраивая свой народ против него. Однако то, что он позволил себе на этот раз на страницах газеты «Азербайджан» (6.II.89 г.), переходит всякие границы, человека, лишённого разума и захлебнувшегося в своем безрассудстве. Оставляя сугубо специальные моменты на суд историкам древнего периода, а также его жонглированиям вокруг проблемы Нагорного Карабаха, мы хотим сказать лишь о 26-ти бакинских комиссарах, и прежде всего о Степане Шаумяне, который абсолютно не нуждается в защите и его имя навсегда вошло в историю. Все-таки не лишне вкратце уведомить читателя, какие вопросы истории армянского народа Зия Буниатов относит к мифам. Это—та истина, что история армянского народа уходит своими корнями в самые глубочайшие пласты истории, и он желает стереть с лица земли географию Армении. Как при корриде бык бросается па красное, так и З. Буниатов—на приобретших всемирное признание слов—Великая (Мец) и Малая (Покр) Айк—Армения. Он относит к мифу ту истину, что Нагорный Карабах—Арцах с древнейших времен—исконная армянская земля. Арцах—тринадцатая область Айка. Что касается его спекуляциям относительно памятника, возведенного в 1978 г. в честь 150-летия первых армянских переселенцев из Ирана, то это просто означает, что армяне вернулись к себе домой.

Вернемся к разглагольствованиям Буниатова относительно Шаумяна. Уже более года в историографии Азербайджана под эгидой ныне уже бывшего первого секретаря ЦК КП Азербайджана А. Везирова, группа историков типа З. Буниатова, П. Азизбековой, Д. Гулиева, О. Намгзова и др., фальсифицирует историю коммуны. Шаумяну приписываются всяческие небылицы. Буниатов говорит о мифе и мифотворцах, а в реальности именно мифотворчество его ремесло.

¹ См. Х. Барсегян. Не все дороги ведут к храму науки (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1989, № 3, его же, Истина дороже. К проблеме Нагорного Карабаха, Ереван, 1989, с. 87—104.

Самая чудовищная ложь о Шаумяне это та, что как сам З. Буниатов, так и его приспешники из газет «Вышка», «Строитель» и т. д., твердят, что, якобы, Ст. Шаумян не был расстрелян, а бежал в Индию и там же умер. Газета «Вышка» от 20 сентября 1988 г., т. е. в 70-ю годовщину со дня гибели 26 бакинских комиссаров писала: «Степан Шаумян не погиб, а покинул родину и умер недавно за рубежом (!!!)». В это время нами на страницах печати был дан отпор и предупреждение относительно его нелепостей: было сказано, почему она (газ. «Вышка») вообще выносит на газетную страницу подобную нелепость и тем самым роняет в души читателей зерна сомнения, как бы дезориентирует их².

Однако, к сожалению, дезинформация продолжается и ныне. Уже З. Буниатов и его единомышленники выступают с открытым текстом и довольно бесцеремонно. Создается впечатление, что трудящиеся разграничить мораль экстремистов правого крыла Народного фронта Азербайджана, от морали фальсификаторов истории в лице ряда горе-ученых. Эпидемия лжи распространяется. Странно видеть, как газета «Бакинский рабочий», основанная Степаном Шаумяном, в наши дни превратилась в рупор, направленный против этого видного кавказского революционера. В последнее время «Бакинский рабочий» выпустил со статьей «История Азербайджана 1918—1920», в которой вновь обливается грязью армянский народ, деятельность его славных сыновей, прежде всего Ст. Шаумяна, в годы установления Советской власти в крае. Взамен всячески восхваляются деяния мусаватистских банд и их турецких пособников в указанный период. Поражаешься: кому это выгодно в столь сложной обстановке в регионе. Надо полагать, права газета «Правда» от 16 февраля 1990 г., когда проводит следующую мысль в статье «Против кого «фронт»?»: «Азербайджан полигон, где экстремисты экспериментируют, как свергнуть законную власть...» Не подливают ли масла в огонь указанные публикации «Бакинского рабочего».

Опираясь на фальшивые материалы палачей коммуны, а также антисоветской литературы, идя по стопам глашатая пантюркизма и бывшего мусаватиста Махмед-Садык-Арана и пресловутого Мир-Джафара Багирова, который в своих пасквилях принижал роль Ст. Шаумяна, приписывая ему несуществующие крупные политические ошибки, Буниатов пытается показать «отъезд Ст. Шаумяна и других в Индию» и даже указывает место его гибели—парк «Видел гарден», недалеко от международного торгового центра в Дели, где, якобы, есть «около 20-ти безымянных могил». Итак, З. Буниатов, потеряв всякую совесть, с цинизмом вновь четвертует Ст. Шаумяна и дабы оставить впечатление, ради «объективности», один за другим выдвигает вопросы... «Почему-то эти могилы посещаются только туристами из Армянской ССР... Другой вопрос: зачем ездили в Индию сыновья Ст. Шаумяна и А. Микояна. Третий вопрос: для чего в конце 40-х гг. в Баку приезжал Л. С. Шаумян, которого тогдашний секретарь ЦК КП Азербайджана в 24 часа выдворил из Баку. Четвертый вопрос: когда и как исчезли из бакинских архивов документы, связанные с деятельностью А. Микояна в Баку?».

Таким образом, по мнению Буниатова, заштампованные когда-то публикации о деятельности Ст. Шаумяна, Т. Амиряна, Г. Корганова

² Коммунист (Ереван), 21. X. 1989.

и др. должны быть пересмотрены с учетом привлечения новых архивных документов. Надобно подумать о том, стоит ли теперь оставлять некоторые имена в названиях населенных пунктов, учреждений, улиц и т. д., причем имена эти дублируются многократно. (Например, для чего населенный пункт Гюлистаи, где был заключен знаменитый договор, надо было переименовать в Шаумян?). З. Бунятов уже давно распоясался, пустив грязь в лицо революционному поколению, восхваляя самую реакционную партию региона—мусават и ее лидеров—Фатали Хан-Хойского, Зиатханова и др., провозгласив мусаватистское правительство самым демократическим. Оставим это на его совести. Но ведь именно мусаватистская партия в одной цепи с Англией, Турцией и др. задушила Бакинскую коммуну, сея в крае смерть и разрушение. Получается так, что вначале, изменяя идеям революции, он оправдывает контрреволюционеров, а затем громит Чрезвычайного комиссара по делам Кавказа.

Мы вынуждены во имя справедливости и истины еще раз напомнить об известных вещах, показать, что святое имя Ст. Шаумяна невозможно запятнать. Он жив и будет вечно жить в сердцах народов. Имя Ст. Шаумяна, неггибаемого борца за освобождение народов от угнетения неразрывно связано с историей нашего Отечества. У истоков большевизма, в горниле трех революций в России в борьбе за установление Советской власти в Закавказье, Шаумян вписал свое имя навсегда. Он был кристальным человеком, завоевал полное доверие рабочих людей, человеком с большой буквы, великим гуманистом, знаменосцем дружбы народов. Его имя прочно связано с деятельностью Бакинской коммуны,—одной из славных страниц истории борьбы трудящихся нашей страны за новую жизнь. Бакинская коммуна была ярким лучом солидарности народов, оставила о себе добрую память. Коммуна—явление не только региональное, но и международное. По признанию В. И. Ленина, значение Бакинской коммуны исключительно не только потому, что она явилась «барьером» для турецких и других интервентов на Кавказ, но и потому, что предотвратила их дальнейшее проникновение в регион—главный поставщик стратегического сырья—нефти для Красной армии. Бесспорной опорой для коммуны явилась и героическая Сардарпатская битва 1918 г., остановившая в самом сердце Араратской долины очередной поход турецких захватчиков. Коммуна вместе с удачами имела и драматические страницы. В частности, ее положение ухудшилось в июле 1918 г., когда кольцо сжималось иностранной интервенцией и мусаватистами.

Вкратце вот как развивались события. 31 июля пала Бакинская коммуна. 1 августа в Баку формируется контрреволюционное правительство из представителей исполнительного комитета Каспийского флота и эсеро-меньшевистского Временного исполнительного комитета—«Диктатура Центрокаспия» (Бушев, Ермаков, Нечепикин, Тюшков и др.), начавшее суровую травлю революционных сил и мирного населения. И З. Бунятов позволяет себе оправдать контрреволюционную диктатуру «Центрокаспия», требуя по-новому написать его историю. В «Центрокаспий» вошли предатели и изменники бакинского пролетариата, которые вместе с английскими империалистами начали травлю большевиков. Правительство «Центрокаспия» закрыло большевистские газеты «Бакинский рабочий» и «Известия Бакинского Совета». Печать контрреволюционного правительства распространяла всевозможные клеветнические измышления по адресу боль-

шевигов. (Заметим, что именно эти клеветнические материалы сегодня так щедро перепечатаются в азербайджанской прессе).

Созванная срочно партийная конференция обсудила создавшееся положение. Сразу же после конференции в одной из типографий было отпечатано воззвание к бакинским рабочим, написанное Ст. Шаумяном и подписанное Бакинским комитетом РКП(б). В нем подробно излагался ход событий. Разоблачались ложь и клевета, распространенные контрреволюционными партиями, которые сегодня З. Буниатов преподносит как чистую монету. В воззвании было сказано, что в эти критические дни Баку отстоял от турок отряд Григория Петрова, который стойко бился, поддерживаемый героическим бакинским пролетариатом. В воззвании Шаумяна выражалась уверенность в том, что скоро придут войска из России и Баку будет спасен.

1 августа комиссар Каспийской военной флотилии В. Ф. Полухин телеграфирует члену коллегии Наркомата по морским делам РСФСР С. Е. Саксу о положении в Баку: «Турки в пяти верстах. Совнарком сложил полномочия, Шаумян, Тер-Габриелян, Петров с отрядом, а с эшелонами арестованы. Объявлена диктатура флота в составе пяти.

Ориентация английская, прибытие англичан ожидается через сорок часов, среди населения антисоветское течение»³.

4 августа 1918 года английские захватчики вошли в Баку. Большевики подняли героических коммунаров на бой и отбросили захватчиков. Но английским оккупантам с помощью закавказских внутренних контрреволюционных сил удалось прорваться в город.

14 августа 1918 г., по решению Бакинской конференции большевиков, Ст. Шаумян, П. Джапаридзе, И. Фиолетов и др. пытаются эвакуировать вооруженные силы коммуны в Астрахань, оставив в Баку на нелегальной работе группу большевиков. Но осуществить это намерение не удалось. 17 августа контрреволюционная власть «Диктатура Центрокаспия» силой оружия возвращает их в Баку и заключает руководящих деятелей коммуны в Баилловскую тюрьму. Для того, чтобы свести счеты с комиссарами, английское командование, эсеры и националистические партии пытались сфабриковать фиктивное следствие и суд. В обвинительном акте от 7 сентября 1918 г. «Диктатура Центрокаспия» клеветнически в десяти пунктах старалась столкнуть пролетариат с его руководителями. Однако этого не удалось, как не удалось и решение Военно-полевого суда. Были лишь похищены важные документы, остатки денег коммуны и ценности. До эвакуации 20 млн. рублей были розданы рабочим, и у Ст. Шаумяна не было абсолютно денег и ценностей, о чем нагло пишет З. Буниатов. «После заседания Совета (31-го июля 1918 г.—Х. Б.) мы устроили частное совещание Бакинского комитета партии,—писал С. Тер-Габриелян,—где было решено находившиеся у нас 20 миллионов рублей раздать рабочим и эвакуировать все ценности, чтобы они не достались ни туркам, ни англичанам. Деньги были распределены между рабочими, и началась эвакуация»⁴.

Как доказано материалом по делу Ф. Фунтикова, одного из папачей коммуны, так и многочисленными другими материалами, организовать политический процесс против Баксовнаркома как защитника интересов пролетариата и крестьянства было, конечно, невозможно. Революционер-большевик Георгий Стуруа, выражая волю ре-

³ ЦГАВМФ, ф. р-5, оп. 1, д. 124, л. 26.

⁴ См. Бакинский рабочий, 20. IX. 1928.

волюционного пролетариата, по поручению рабочей конференции, сделал в «Центрокаспии» заявление:

— Вы судите не Шаумяна и Джапаридзе, а ту часть пролетариата, которая послала их в Совет.

Но 15 сентября турецкие и мусаватистские банды ворвались в Баку. Английские захватчики еще 12 сентября поспешно покинули город. Улицы города были обагрены кровью рабочих. Незадолго до того, как турецкие войска появились на подступах к Баку, группе большевиков удалось освободить комиссаров из тюрьмы, где они были обречены на верную смерть, и провести на судно «Туркмен», направлявшееся в Астрахань.

По рассказам свидетелей, в том числе сыновей Ст. Шаумяна—Сурена и Левона, утром 17 сентября остановившемуся на рейде Красноводска пароходу «Туркмен» дана была команда отойти к нефтеналивной пристани Уфра. Вся пристань была оцеплена войсками, на берегу стоял английский бронепоезд, пушки которого были направлены на пристань. Тут же прогуливались три английских офицера: двое из них прибыли на пароходе «Туркмен», третий был начальник английского гарнизона полковник Баттин. На противоположной стороне стоял небольшой пароход «Вятка», у его трапа находилась группа местных эсеровских заправил: Кун, Кондаков, пристав Алания и др. Они уже знали, что на борту «Туркмена» находятся бакинские большевики и задались целью захватить их. Всем прибывшим предложили разоружиться, начался обыск. Палачи не знали всех комиссаров в лицо, поэтому бакинские комиссары решили не группироваться, а рассыпаться по пристани и смешаться с беженцами. Один рабочий, бывший на пароходе, впоследствии вспоминает: «Укажите нам комиссаров,—крикнул кто-то—тогда всех освободим». Палуба и пристань были полны народа, но воцарилось гробовое молчание. Каждый знал комиссаров в лицо, но никто не хотел быть предателем. Молчат матросы и красноармейцы, молчат женщины и даже дети. «Вот Шаумян—провизжал чей-то голос. Изменник нашелся. Из толпы выступил вперед белогвардейский офицер с шашкой за поясом. Степан Шаумян стоял спокойно, затем с презрением подошел к предателю: «Не думай, что смерть свалит дело, за которое мы боролись. Этого вам не видать...». Арестовали Ст. Шаумяна, а затем и других товарищей. Предатели и изменники помогли выделить комиссаров из общей массы. Всего было схвачено 36 бакинских советских работников. Их отвели на пароход «Вятка», и здесь, прямо на палубе, начался новый, более тщательный обыск. Грубо раздевали, исследуя каждый шов одежды, отбирали все, что казалось подозрительным или нравилось кому-нибудь из обыскивающих.

Большое оживление вызвал список, найденный в кармане комиссара Г. Корганова. В Баилловской тюрьме Корганов был выборным старостой камеры и распределял по этому списку продовольствие, которое приносили родственники и товарищи. В нем значилось 25 фамилий. Именно этому случайному списку суждено было сыграть в судьбе комиссаров роковую роль. В списке не было многих из тех, кто был арестован вместе с комиссарами на пароходе «Туркмен». Например, старый большевик, командир бакинской Красной Армии Самсон Канделаки, член Революционного комитета Красной армии Эмануел Гигоян. Оба они, будучи больными, лежали в тюремной больнице, и друзья им доставляли провизию прямо туда. Не было в списке старых большевиков-подпольщиков—Веры Джапаридзе, Ольги Фиолетовой. Не было в списке также двух сыновей Шаумяна—Су-

репа и Левона, которые незадолго до этого были освобождены из Банловской тюрьмы на поруки, не значились в списке и те, кто не сидел вместе с комиссарами в Банловской тюрьме в Баку. Красноводские англо-эсеровские власти знали по фамилиям только нескольких руководителей Советской власти Баку—Ст. Шаумяна, Г. Петрова, П. Джапаридзе, И. Фиолетова, Г. Корганова.

Найдя список, они решили, что в нем перечислены все те, с кем надо немедленно расправиться. Бандиты торопились. Закончив обыск, они составили общий список тридцати пяти арестованных. Но над 25 фамилиями из списка Г. Корганова появились особые знаки, несколько позже такой знак появился над фамилией Татевоса Амирова, принявшего в Баку всех товарищей на пароход «Туркмен». К остальным палачи не проявили особого интереса. Всех арестованных в Красноводске разделили на две группы: 21 человека посадили в тюрьму, а 16 поместили в камеру арестного дома.

18 сентября Ст. Шаумян, Г. Корганов, Г. Петров и В. Полухин от имени арестованных комиссаров представили коллективный протест красноводским властям, требуя прекратить произвол и издевательство.

19 сентября 1918 г. тюрьму посетил начальник административной части Яковлев и в ответ на жалобу комиссаров огласил циничную резолюцию своего начальства:

«1. Объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта.

2. Можно просить, но не требовать. Вообще укажите заключенным, побольше думать и поменьше писать».

Явился в камеру и сам глава Красноводского правительства Кун. Войдя Кун злобно спросил: «Кто тут у вас главковерх? «Нет у нас главковерха»,—раздалось в ответ. «Ну, тогда, кто Шаумян?» Ст. Шаумян спокойно ответил на выкрик Куна: «Я—Шаумян». «Встать! Разве вы не знаете, с кем разговариваете?! Я—Кун» «А я могу и лежа разговаривать»,—ответил, не меняя позы, Ст. Шаумян. Это спокойствие Ст. Шаумяна и всех заключенных привело Куна в бешенство, и он бросился вон из камеры.

В то время в мыслях комиссаров не могло даже промелькнуть, какое чудовищное преступление готовилось здесь.

Как только комиссары прибыли в Красноводск, верный лакей английского империализма сразу же отправил телеграмму в Ашхабад в адрес главы английской миссии генерала Маллесона и в адрес главы Закаспийского правительства—Фунтикова.

Одновременно в Порт-Петровск была отправлена телеграмма изменнику, полковнику Лазарю Бичерахову с тем расчетом, что Бичерахов договорится с «Диктатурой Центрокаспия» об уничтожении комиссаров. Кун писал: «Просим срочно телеграфировать, как поступить с бывшими комиссарами и Т. Амировым, причем, полагаем, если не встретится возражений с вашей стороны, предать их военно-полевому суду». На что Бичерахов прислал ответную телеграмму такого содержания: «Одобряю Ваши действия, направленные в адрес бакинских комиссаров. Предложение Ваше о предании их военно-полевому суду разделяю. Мнение мое поддерживает «Диктатура Центрокаспия».

Глава британской миссии Маллесон был страшно встревожен пребыванием комиссаров на туркменской земле. «Правда,—признавался Маллесон,—комиссары были безоружны, в том смысле, что огнестрельное оружие у них было отобрано, но они обладали более страшным оружием—силой агитаторского таланта, благодаря которому массы переходили на их сторону и возникали новые большеви-

стские восстания». В тот же день Маллесона посетили представители Закаспийского правительства. «Они согласились со мной,—пишет Маллесон,—что присутствие этих людей в Закаспии нежелательно, а также с тем, что большевики безопасны только мертвые».

Чудовищные преступления Маллесона, Тиг-Джонса и других давно уже разоблачены в советской литературе. В частности, в трудах Сурена Шаумяна, Левона Шаумяна, Г. Акопяна, Х. Барсегиана, а также в книгах «Последние дни комиссаров Бакинской коммуну». По материалам судебных процессов. (Сост. А. С. Бугшпан. Баку, 1928), Я. Ратгаузер «Арест и гибель комиссаров Бакинской коммуну» (Баку, 1928) и в воспоминаниях о Степане Шаумяне (воспоминания, очерки, статьи современников, М., 1988). Завесу над этими преступлениями приоткрыли также новые материалы, обнаруженные в архивах Дели и опубликованные в специальном бюллетене Сектора научной информации по общественным наукам Академии наук Армянской ССР⁵. Да будет известно З. Буниатову и ему подобным, так обеспокоенным фактом поездки в Индию сыновей Ст. Шаумяна и А. Микояна. Неужели неизвестно, что судьба архива Бакинской коммуну была неясна, а нити материалов вели в Дели, поскольку именно англичанами был осуществлен расстрел комиссаров и надо было материалы искать в английских архивах, т. к. они проходили через Дели.

Сотрудник АПН, кандидат исторических наук Леонид Митрохин, который несколько лет провел в Индии, во время своих исследований в архивах Дели обнаружил новые ценные материалы, проливающие свет на злодейское убийство 26 бакинских комиссаров. Эти документы, в поисках которых ездили сыновья Ст. Шаумяна и А. Микояна и которые им не удалось обнаружить, вновь разоблачают зловещую роль английских империалистов и их эмиссаров—У. Маллесона, Р. Тиг-Джонса и др.

Если бы З. Буниатов имел совесть ученого и был бы знаком как с этими, так и с другими материалами, в частности, материалами судебных процессов комиссаров, «Казнь 26 бакинских комиссаров по рассказу их жен», материалами похорон комиссаров, не рискнул бы на подобный чудовищный шаг.

Итак из нововыявленных материалов, которые по нашей просьбе введены в научный оборот Л. Митрохиным, проясняется, что известие об аресте бакинских комиссаров генерал Маллесон получил от полковника Батина 17 сентября и он знал, что в их руки попали именно комиссары. В первом документе, датированном 18 (получено 19 сентября 1918 г. от генерала Маллесона, Мешхед—начальнику генерального штаба Симла) сказано:

1. 17 сентября Батин телеграфировал из Красноводска, что среди прибывших туда из Баку они арестовали большевистских вождей Петрова, Шаумяна, Авакяна, Джапаридзе и Корганова.

Во втором документе от 23 сентября 1918 г. докладывается, что 26 бывших бакинских вождей были расстреляны. Я не могу сообщить никакого мнения по вопросу о законности (этого действия), но, отбрасывая в сторону этот вопрос, так называемая казнь политически (нам) выгодна, поскольку она означает, что Асхабадское правительство сожгло все мосты в отношении большевиков. Политические соглашатели в Асхабаде рассматривали бы Шаумяна, Петрова и других как шанс на случай спасения собственной шкуры до тех пор, пока последние оставались бы в живых.

⁵ Новые материалы о 26 бакинских комиссарах, Ереван, 1974.

2. Асхабадский комитет беспокоится о том, что казнь сохранилась в секрете. Казнь совершена в тайне⁶. Другие документы также разоблачают действия этих палачей, руки которых обрызганы кровью славных комиссаров. Впоследствии они неоднократно пытались оправдаться тем, что, якобы, старались «спасти комиссаров от смерти». Однако суд истории оказался сильнее и они навечно были приговорены к позорному столбу.

... Вспомним, что контрреволюционная печать в Средней Азии начала кампанию гнусной клеветы в адрес бакинских народных комиссаров, подготавливая их убийство. Антисоветская газета «Голос Средней Азии» цинично писала о подготовке кровавой расправы над бакинскими комиссарами: «Судьба нам снова улыбнулась, к нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится еще один из знаменитых героев—Ст. Шаумян, которого давно окрестили «Кавказским Лениным». Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам—англичанам, благородно отзывавшимся на зов бакинцев о спасении. Они все твердили, что рядом с английскими империалистами сражаться честным революционерам позор... Они в наших руках. Мы живем в эпоху варварства. Так будем же пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову. За каждого убитого эсера и буржуа—расстрел большевика. Отныне будут отвечать голова Ст. Шаумяна, Г. Петрова, П. Джапаридзе, Г. Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Функции палача были возложены на ближайшего помощника Маллесона—Реджинальда Тиг-Джонса и на главу Закаспийского правительства эсера Фунтикова. С лихорадочной поспешностью готовилось убийство. Был сформирован специальный поезд из двух вагонов: классного и арестантского, подобрана группа белогвардейских палачей-головорезов. 19 сентября поезд прибыл в Красноводск. В одной из комнат Красноводского вокзала состоялось совещание, в котором приняли участие Кун и пристав Алания. На этом совещании был разработан технический план уничтожения бакинских коммунистов. Еще вечером 19 сентября комиссаров предупредили, что ночью они все будут отправлены из Красноводска в Асхабадскую областную тюрьму, ибо здесь, в Красноводске, «тесно». Это был слишком прозрачный намек на то, что комиссаров собираются убить. Вот отрывок из показаний пристава Алания, который после установления Советской власти в крае, по приговору Реввоентрибунала, был расстрелян как палач Коммунаров. «Спустя два дня, в ночь на 19-е, — сказал в своих показаниях он, — по распоряжению стачечного комитета из арестного дома и из тюрьмы были отобраны 26 бакинских советских работников, переданы в распоряжение председателя Асхабадского исполкома и председателя исполкома Кизил-Арвата Егорова и особым поездом, в сопровождении специально подобранного конвоя (в числе которого были Фунтиков, Седых, братья Петровы, Седов и др.), были отправлены в сторону Асхабада. В арестном доме в Красноводске остались: сыновья Шаумяна, жена Джапаридзе, Варвара Джапаридзе, жена Амирова, Микоян, Канделаки, Симон Туманянц и др. У этих оставшихся, по распоряжению заведующего Особым отделом Яковлева—нотариуса города Красноводска, часто

⁶ См.: Там же, с. 3—34; Материалы даны на английском, русском и армянском языках, взяты из Национального архива Дели.

производились обыски, причем найденные письма, бумаги и деньги были отображены⁷.

Левон Шаумян, сидевший вместе с отцом, впоследствии вспоминал, что «каждому в отдельности было ясно, что нас ожидает, но никто вслух об этом не говорил и никто не спал». Во втором часу ночи с 19 на 20 сентября загремели тюремные засовы, камера и коридоры осветились багровым светом фонарей, палачи вошли в камеру и стали выкрикивать по списку фамилии тех, которые были отмечены особыми знаками в общем списке. Затем заявили: «Перечисленные лица пускай собираются, сейчас мы их заберем отсюда. На вопрос: «Почему не всех и что будет с остальными?»—последовал ответ: «Остальные все будут завтра выпущены». Никто в это не поверил. Даже перед лицом смерти большевики нашли в себе мужество держаться спокойно. Ст. Шаумян тепло простился с товарищами и со своими сыновьями. Рядом находилась женская тюрьма, где сидели жены комиссаров. Они тоже не спали и приникли к дверному окошечку. Когда комиссаров стали выводить, И. Фиолетов крикнул своей жене: «Не беспокойся, Оля, я сумею умереть спокойно».

Комиссары знали, что их ведут на смерть. Всех арестованных поместили в арестантский вагон, и поезд с потушенными огнями помчался в глухую ночь.

Е ночью на 20 сентября 1918 года на 207-й версте железной дороги Красноводск—Ашхабад, между станциями Ахча—Куйма и Перевальская, в безбрежных песках Закаспия английские захватчики и их подлые наймиты—эсеро-меньшевистские палачи расстреляли бакинских комиссаров. Непосредственными участниками убийства 26-ти бакинских комиссаров были: председатель закаспийского эсеровского «правительства» Ф. А. Фунтиков, его заместитель Курилев, английский капитан Тиг-Джонс, начальник контрразведки С. Л. Дружкин, члены «закаспийского исполкома» эсеры И. И. Седых, Н. И. Анисимов, А. С. Гладырев, Егоров, эсеровские дружинники Н. А. Филатов, И. Гермаш, И. А. Пиотрович, текинec Атта-Мурат, Ф. С. Белокопья, комендант Ашхабада, прапорщик М. И. Худоложкин, начальник милиции А. К. Седов, адъютант комендатского управления Н. И. Баклеев и другие⁸.

Комиссары были представителями многонационального и интернационального пролетариата Баку—русские, армяне, грузины, азербайджанцы, украинцы, латыши, евреи, греки. Это были верные сыны своего народа, находившиеся в расцвете жизненных сил. Их средний возраст не превышал 31 года. Самому младшему, А. А. Богданову, было 22 года. Самому старшему, Тадевосу Амиряну—45 лет. Вождю же Бкинской Коммуны Степану Георгиевичу Шаумяну—всего 40 лет.

Их было 26: С. Г. Шаумян, П. А. Джапаридзе, М. Азизбеков, И. Г. Фиолетов, Я. Д. Зевин, Г. Н. Корганов, И. В. Малыгин, Г. К. Петров, А. Н. Амирян, С. Г. Осепян, М. Везиров, М. В. Басин, В. Ф. Полухин, М. Р. Коганов, А. А. Борян, Ф. Р. Солнцев, А. Н. Костанян, Э. А. Берг, И. Я. Габышев, И. П. Метаксе, С. А. Богданов, Б. А. Авакян, И. А. Мишне, И. М. Николашвили, А. А. Богданов, Т. А. Амиров. Они пали на боевом посту.

Э. М. Вовшина в своих воспоминаниях писала о том, что когда она впоследствии передала В. И. Ленину телеграмму председателя

⁷ Бкинский рабочий, 2. IX. 1922.

⁸ См.: Д. Л. Голиков, Крушение антисоветского подполья в СССР, книга первая, М., 1978, с. 204.

Реввоенсовета Каспийского Кавказского отдела Южного фронта А. Г. Шляпникова следующего содержания: «Получены сведения, что товарищи Шаумян, Джапаридзе и 24 лучших других работников Баку и Кавказа расстреляны в Ашхабаде», «Владимир Ильич мгновенно изменился в лице, как-то почернел весь», никогда она не видела его таким, убитым горем⁹.

Судьба Ст. Шаумяна и его ближайших соратников, которая вначале была неясна, беспокоила не только всех трудящихся Кавказа, но и всю Страну Советов. Бакинские большевики энергично искали их. Наркоминдел РСФСР посылал ноты различным государствам, предлагая обмен.

В эти дни продиктованные условиями гражданской войны, в Москве были взяты заложниками дашнакские деятели доктор Яков Завриев и литератор Липарит Назарян для обмена на них Ст. Шаумяна и других комиссаров и их семей. Насколько было справедливо подобное решение, принадлежит истории. Однако, то, что Центр не остался равнодушным к судьбам комиссаров и прибег ко всяким действиям, направленным к их спасению, это факт. А то, что остановились на видных деятелях дашнакцуютю, свидетельствует о беспорядочном влиянии этой партии на политическую жизнь. Отсутствие точных сведений о последних днях комиссаров стало поводом для различных домыслов, а враги Советской власти, замечая следы своих преступлений, пустили в оборот версию об отправке комиссаров в Индию, причем не только Шаумяна, но и его всех соратников, в том числе Азизбекова и Везирова.

Вернемся к событиям тех дней. 29 августа 1918 г. Яков Завриев передал об этом радиогаммой ЦК и Восточному бюро партии дашнакцуютю. К этой радиогамме комиссар по делам армян Варлам Аванесов приложил комментарий, в котором было сказано, что судьба гр. Завриева связана не только с судьбой тов. Шаумяна, но и всех других заложников, а потому слухи о расстреле не лишают возможности переговоров об обмене других заложников. Далее он отмечал, что предложение о посылке телеграммы ЦК дашнакцуютю исходило не только от Совнаркома, как указывает гр. Завриев, но и от него лично, как комиссара по делам армян.

4 января 1919 г. генерал Томсон сообщил от имени командующего британскими войсками в Баку, что они готовы освободить семьи комиссаров взамен на освобожденных доктора Завриева, литератора Назаряна, а также членов британской миссии, арестованных во Владикавказе. В дело обмена арестованных включился великий армянский писатель, председатель Кавказского товарищества армянских писателей в Тифлисе Ованес Туманян. Переговоры закончились освобождением членов семей комиссаров. Только весной 1919 г. стало известно о чудовищном злодеянии английских интервентов и их эсеро-меньшевистских наемников. Бакинский пролетариат ответил на это крупными забастовками, требуя перенести останки коммунаров в Баку. Палачи всячески старались замести свои кровавые следы.

20 декабря 1919 г. член Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышев телеграфировал в Президиум ВЦИК: «Между станциями Перевальная и Ахча-Куйма в Закаспии, на днях взятыми нашими войсками, находится место, где зарыты предательски расстрелянные товарищи Шаумян, Джапаридзе, Петров и другие бакинские

⁹ См.: ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 2, д. 453, лл. 1—2; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 587, л. 192, Известия, М., 28. XI. 1918.

товарищи. После взятия Красноводска предлагается торжественное открытие трупов.

Требуется знать, предлагается ли перенесение этих тел или место погребения представляется нашему усмотрению. Телеграфируйте: Ташкент. Реввоенсовет Туркфронта»¹⁰. «В сентябре 1920 г. Екатерина Сергеевна Шаумян... вместе с детьми, в том числе и маленький Сергей выехали в Баку на похороны 26-ти. Сурен Шаумян и Вера Джапаридзе поехали вместе со специальной комиссией, уполномоченной ЦИК РСФСР, в Туркмению для переноса праха 26 бакинских комиссаров в Баку»¹¹.

Вскоре останки 26 бакинских комиссаров были перенесены в Ашхабад и с должными почестями похоронены на центральной площади города.

Сразу же после установления Советской власти в Азербайджане, останки 26 бакинских комиссаров было решено перевезти в Баку. По этому поводу 13 июня 1920 г. Бакинский Совет телеграфировал В. И. Ленину: «На первом заседании Бакинского Совета рабочих, красноармейских и матросских депутатов 13 сего июня постановлено перевезти из Ашхабада в Баку останки павших в Закаспии товарищей Шаумяна, Джапаридзе, Азизбекова, Фиолетова и других, воздвигнуть им памятники в Баку и Ашхабаде. Бакинский исполком просит санкционировать это постановление и оказать содействие к срочному выезду в Баку семьям—жене Шаумяна, Джапаридзе. О результатах просьба сообщить».

По личному предложению Ленина, ВЦИК постановляет, что ввиду общероссийского значения прошлой деятельности расстрелянных бакинских товарищей Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и др., ВЦИК берет на себя организацию и расходы по перенесению тел погибших в Баку и погребению там.

В конце августа 1920 г. из Баку была направлена специальная комиссия, в состав которой входили также Сурен Шаумян, старый большевик И. Е. Гандюрин и др., с целью перенесения и захоронения останков 26 бакинских комиссаров в Баку.

8 сентября 1920 г. в Баку был объявлен траур, похороны состоялись в тот же день на площади Свободы. В шествии похоронной процессии впереди гроб Шаумяна. В траурной процессии участвовал весь город, более 2000 делегатов съезда народов Востока и представителей Москвы и других городов. На траурном митинге с речами выступили: Н. Нариманов, Г. Зиновьев, Карл Радек и др.

История 26 бакинских комиссаров (коммунаров), их трагическая судьба получила особенно широкий международный резонанс после перезахоронения их останков в Баку. Коминтерн, Профинтерн, многочисленные молодежные организации осудили в тот период международный империализм и особенно роль английских интервентов. Представители английского профсоюза в 1920 году направили делегацию в Баку и Красноводск. По свежим следам трагических событий делегаты подготовили доклад для английского парламента, итоги которого канули в неизвестность.

Ст. Шаумяна, дважды похороненного (вначале в Ашхабаде, затем в Баку) перед сотнями тысяч людей, родных, близких, товарищами по классу, З. Бунятон сегодня превращает в грандиозный миф,

¹⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 79, оп. 1, д. 79, л. 35. Подробно см. Х. Барсегян. Степан Шаумян, Ереван, 1978, с. 167—182.

¹¹ См.: О Степане Шаумяне, М., 1988, с. 205.

могущий потрясти весь мир, в том числе и тех, кто был по ту сторону баррикад,—якобы, Шаумян не был расстрелян и с какой-то группой бежал в Индию и похоронен там. Стоит напомнить Буниатову, что ни у кого в мыслях не промелькнуло, что Степан Шаумян остался жив. Этот миф создали палачи Коммуны, агенты английской разведки, мусаватисты, те, кто виноват в этом чудовищном злодеянии.

Пусть будет известно З. Буниатову и ему подобным, что во время похорон как родные и друзья, так и тысячи рабочих узнали останки Ст. Шаумяна. Никому не внушало сомнения, что это Ст. Шаумян. Что касается слухов о том, что, якобы, Шаумяна и других комиссаров отправили в Индию, то, повторяем, это очередной трюк английской разведки и тех эмиссаров, которые, как ночные шакалы, сожрали комиссаров и тряслись от страха. Они тряслись, а Зия Буниатов нет. Вот какой он герой!

З. Буниатов удивленно задает вопрос: «Для чего в конце 40-х годов в Баку приезжал Л. С. Шаумян, которого тогдашний секретарь ЦК КП Азербайджана (Мир-Джафар Багиров—Х. Б.) в 24 часа выдворил из Баку?» Прежде всего, ответ на вопрос можно получить из судебного дела Багирова и воспоминаний Л. С. Шаумяна. В это время вышла в свет книжечка Багирова «Из истории большевистских организаций Баку и Азербайджана», аналогичная пасквилью Берия, где он принижает роль руководителя Бакинской коммуны Ст. Шаумяна, приписывая ему несуществующие «крупные политические ошибки».

Одновременно Л. С. Шаумян дал понять Багирову, что у него есть материалы, свидетельствующие о том, что Берия служил в мусаватистской охранке и принимал непосредственное участие в аресте и допросах бакинских коммунаров, в частности их жен и детей. Этого было достаточно, чтобы Багиров, который в 1921—23 гг. был Председателем ЧК Азербайджана, вышел из терпения и посощился с Л. С. Шаумяном. Вскоре Л. С. Шаумяна освободят от работы в «Литературной газете».

Может возникнуть вопрос: «Чего добивается Зия Буниатов?». Ответ один—заново написать историю, реабилитировать партию мусават, дать зеленую дорогу реакционным силам, идеологии пантюркизма, обострить межнациональные отношения. Именно поэтому Буниатов и буниатовщина представляют огромную опасность и наносят непоправимый удар как по перестройке, так и по человеческим морально-нравственным ценностям вообще. Ведь у него все отражается как в кривом зеркале! Народ устал от его мифов... Ведь всем своим поведением он, прежде всего, наносит удар по своему же народу. Хотя в своей статье, опубликованной в газете «Бакинский рабочий» от 1 декабря 1989 г. под заголовком: «Куда мы идем?», он и не отвечает прямо на поставленный им же вопрос. Можно предположить, что ответ на этот вопрос мы получим тогда, когда окончательно будет сорвана маска и перед нами предстанет истинное лицо этого двурушника, вся «научная» деятельность которого отличается антинаучностью, цинизмом и подстрекательством.

Как будут развиваться дальнейшие события в регионе, трудно предугадать (по крайней мере, нам), однако январские события в Баку, явившиеся прямым продолжением Сумганта и имевшие уже не только антиармянскую, но и явно антисоветскую направленность, не говоря уже о беспрецедентном нарушении советско-иранской границы—свидетельство того, какую опасность несет с собой идеология «буниатовщины», подхваченная экстремистскими силами Азербайджана.

Очень хочется надеяться, что азербайджанский народ, веками живший рядом с армянским, наконец, трезво оценит эту ядовитую, порочную идеологию разрушительной ненависти и не пойдет без оглядки за темными экстремистскими силами, сеящими вражду между двумя соседними народами, бросающими тень на их вековые связи.

Суд истории справедлив, и он еще будет!

P. S. Настоящая статья была готова к печати, когда в «Известиях» от 31 марта 1990 г. появился материал лондонского собкора газеты А. Кривопалова «Кто отдавал приказ. Новые материалы о расстреле 26 бакинских комиссаров». В нем реферируются только что вышедшие в свет мемуары одного из главных лиц, отдавших приказ об уничтожении 26 комиссаров в песках Закаспия—английского разведчика Реджинальда Тиг-Джонса. Его книга называется «Шпион, который исчез (дневник секретной миссии в русской Средней Азии в 1918 г.)». Таким образом, этими мемуарами английского резидента, дипломата, который прожил 100 лет и скончался в 1988 г. под именем Рональда Синклера, подтверждается тот эпизод, из истории установления Советской власти в Закавказье, который известен советской историографии и приводится в нашей статье. Примечательны также комментарии в книге Тиг-Джонса историка и публициста Питера Хопкирка.

Капитан Тиг-Джонса подтверждает причастность Фунтикова, Маллесона и других к гибели 26 комиссаров. Нашим оппонентам (в частности, З. Буниатову), утверждающим, что Шаумян и его некоторые соратники не были расстреляны и бежали в Индию, процитируем пару абзацев из дневника Тиг-Джонса, приводимых «Известиями»; «...Красноводский комитет выразил желание как можно скорее избавляться от заключенных, поскольку местная тюрьма была переполнена, и содержание в ней таких видных большевиков, как Петров и Шаумян... повлияло бы возбуждающим образом на местные большевистские элементы. Ашхабадский комитет вовсе не проявлял желания принять у себя арестованных. За советом они обратились ко мне. Ими была послана также телеграмма представителю комитета Мешкеде-Дохову с инструкцией убедить генерала Маллесона взять узников себе и депортировать затем в Индию. В своем ответе Маллесон объяснял, что очень трудно найти необходимую охрану на транспортировку их в Индию, и предложил, чтобы закаспийские власти сами бы нашли другой способ избавиться от них... в конце концов было принято решение расстрелять арестованных...».

Все точки над «i» расставлены. Таким образом, никто из комиссаров не выбрался живым... И Хопкирк проявляет принципиальность в освещении трагедии тех дней, произошедшей под диктовку его соотечественников, дает четкую, правдивую картину гибели Шаумяна и его соратников, хотя и многое остается еще засекреченным, а вот советский академик З. Буниатов изливает желчь и чернит святое имя одного из крупнейших деятелей нашего Отечества. В своем эпилоге в мемуарах Р. Тиг-Джонса Питер Хопкирк пишет: «Бакинские комиссары, возглавляемые С. Шаумяном, твердо отрицали террор как метод, необходимый для победы или удержания власти, искренне вери, что этого можно добиться демократическим путем. Во время их короткого правления в Баку ни один член какой-либо антибольшевистской партии не был арестован или казнен... Были бы они столь же беспощадны, как их враги, почти наверняка не погибли бы».

Вот все, что хотелось добавить по данному поводу.

ՆՈՐԻՑ ՄԻ ԿԵՂԾ ԱՌԱՍՊԵԼԻ ԵՎ ԱՆԱՋՆԻՎ ՀՈՐԻՆՈՂԻ ՄԱՍԻՆ
(Զիա Բունիատովի «Առասպելներ և հորինողներ» հոդվածի առթիվ)

Խ. Հ. ԲԱՐՍԵԳՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոդվածում աղբյուրագիտական և վավերական նյութերի հիման վրա բացահայտված են Ադրբեջանական ԽՍՀ ԳԱ իսկական անդամ Զիա Բունիատովի և նրա գրչակից վայ պատմաբանների կողմից հայ ժողովրդի ծագման, նրա պատմության առանձին դրվագների, Բաքվի կոմունայի և նրա առաջնորդ, Կովկասի գործերի արտակարգ կոմիսար Ստեփան Շահումյանի հեղափոխական գործունեության շարամիտ և միտումնավոր խեղաթյուրումները:

Հեղինակը ցույց է տվել, որ Բաքվի մամուլում («Բակինսկի Ռաբոչի», «Վիշկա», «Ստրոիտել») հրատարակված Զիա Բունիատովի և այլոց հակագիտական հոդվածներում հայ ժողովրդի պատմությունը ներկայացված է ծուռ հայելում, հրեշավոր կեղծիք և սուտ է Զ. Բունիատովի այն պնդումը, որ իբրև թե «Սա. Շահումյանը Բաքվի 26 Կոմիսարների հետ չի գոհվել», այլ «փախել է արտասահման»: Բունիատովը և «Բունիատովչիներն» իրենց հակագիտական «գործերով» հրապարակայնությունը ծառայեցնում են հայ-ադրբեջանական ժողովուրդների և առհասարակ ազգամիջյան հարաբերությունների լարվածության սրմանը:

ONCE AGAIN ON A MYTH AND A DISHONEST MYTH MAKER
(to the article „THE MYTHS AND MYTH MAKERS“ by Z. Buniatov)

Kh. H. BARSEGHIAN

S u m m a r y

Within the last three years frequent attempts have been made by Zia Buniatov, member of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR and his co-writers so-called historians to maliciously distort certain data concerning the origin of the Armenian people and their history, like the activities of the Baku Commune and its leader, Stepan Shahumian, the Extraordinary Commissar on the Caucasian Affairs. In the anti-scientific articles by Zia Buniatov et al. published in the Baku press (BAKINSKI RABOCHI, VISHKA, STROITEL) presentation is 'made of the history of the Armenian people in a crooked mirror. A blatant fraud and lies are contained in the allegation by Z. Buniatov as if „St. Shahumian was not executed along with the 26 Commissars of Baku but fled abroad“. Buniatov and BUNIATOVISM using their anti-scientific products make the openness to serve as a tool to sharpen the tensions between the Armenian and Azerbaijan peoples.